

Пиралов А.

**Дядя Катя, или Сон в
ЗИМНЮЮ НОЧЬ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П33

П33 **Пиралов А.**
Дядя Катя, или Сон в зимнюю ночь / Пиралов А. – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2019. –
144 с.

ISBN 978-5-519-68384-5

Блуждая между любовью и псевдолюбовью, между обожанием и завистью, между двумя сыновьями, одного из которых ему не удалось увидеть живым, он ушел из этого мира одиноким и не понятым и, только пройдя через Высший суд, обрел надежду на успокоение.

ISBN 978-5-519-68384-5

© Lennex Corp, 2019
© Пиралов А., 2019

Александр Пиралов

**ДЯДЯ КАТЯ,
ИЛИ СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ**

Александр Пуралов

**ДЯДЯ КАТЯ,
ИЛИ СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ**

Скифия
Санкт-Петербург
2019

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 882
ПЗЗ

Александр Пиралов

**ДЯДЯ КАТЯ,
ИЛИ СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ**

Пиралов А.

ПЗЗ Дядя Катя, или Сон в зимнюю ночь. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2019. — 144 с.

Блуждая между любовью и псевдолюбовью, между обожанием и завистью, между двумя сыновьями, одного из которых ему не удалось увидеть живым, он ушел из этого мира одиноким и не понятым и, только пройдя через Высший суд, обрел надежду на успокоение.

© Пиралов А., 2019

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Моей дочери Тамаре

«...мы принуждены основываться на показаниях одних только наших чувств, и мы спрашиваем себя, перед лицом этого единичного и ни с чем не связанного воспоминания, не сделали ли наши чувства жертвой галлюцинации...»

«...в любви нужно страшиться не только будущего, как в обычной жизни, но также прошлого, часто приобретающего для нас реальность лишь после будущего, — мы говорим не только о прошлом, которое нам становится известно впоследствии, но и о том, которое мы давно хранили в себе и которое вдруг научаемся правильно читать».

Марсель Пруст. «В поисках утраченного времени»

Меня зовут Катерин.

Когда моему батюшке, коему я обязан этим именем, заметили, что сына так называть не следует, он хихикнул, а потом сел за пианино и взял несколько аккордов из «Катерины Измайловой». Не берусь судить, те ли самые аккорды вызвали знаменитую передовицу*, но сумбура в моей жизни они породили немало. Впрочем, об этом ниже.

Свою выходку папаша объяснял правом на родительское творчество и... логикой. Если есть Валентин с Валентиной и Александр с Александрой, спросил он, то почему не могут быть Катерина с Катерином? Что касается матери, то она умерла спустя две недели после того, как я был явлен миру, и назвать папашу идиотом уже не имела возможности. Так я и остался Катерином.

Папаша был скрипачом в симфоническом оркестре, слыл за малахольного, и моя бабушка по матери, Серафима Алексеевна, пока я пребывал во младенчестве, не допускала его ко мне почти на пушечный выстрел. Бабушка Сима была человеком с ярко выраженным собственным мнением, и мне непостижимо, как она допустила, чтобы я был наречен женским именем, хотя, полагаю, она и сама считала это собственным упущением, строя соответствующую политику по отношению к зятю.

А тому того и надо было. Спустя полгода от начала вдовства он основательно закрутил с альтисткой из того же оркестра и даже однажды привел ее в дом. Это переполнило чашу терпения бабушки, которая залпом влетела к отцу, заявила, что отныне лишает его всех родительских прав, что ребенок будет жить исключительно у нее и только ей отныне решать, когда и главное где ему можно будет видеть

---

* Речь идет о редакционной статье в газете «Правда» от 28 января 1936 года с резкой критикой этой оперы.

сына. Папаша пожал плечами, информировал экс-тещу о беременности альтистки, получил табуреткой по лбу и был отлучен от меня навсегда. По крайней мере, теоретически...

В то время бабушка была в начале четвертого десятка, очень даже недурна собой и еще вполне могла устроить свою жизнь. Но эта жизнь — с того самого дня, когда родитель в полной мере оценил табуретку как орудие тещи, — была полностью отдана внуку. Бабушка стала мне и отцом, и матерью, и вообще наставником по подавляющему большинству вопросов, в том числе и не житейских, хотя сама образования не получила, работая то воспитательницей в детском садике, то учительницей рукоделия в школе.

Вышла она из среды московских мещан и была крещеной еврейкой. Прадед мой, несмотря на то что служил простым бухгалтером, имел огромную квартиру в Староконюшенном переулке и мог позволить себе наградить дочь за золотую медаль, с которой была окончена гимназия, поездкой в Италию. В поезде бабушка познакомилась с молодым бородатым и смуглым красавцем, ехавшим туда же учиться живописи, и на вокзале в Риме они поклялись друг другу не расставаться. Как ей удалось утрясти это с родителями, мне неизвестно, только оттуда они отправились в Неаполь, где им удалось снять комнатку в мансарде.

Над моим изголовьем висит картина деда, где бабушка изображена сидящей в этой мансарде на подоконнике — в полупрофиль, обхватив руками колени. Картина насыщена зрелой истинно мужской чувственностью, но вместе с тем и до краев наполнена юношеской нежностью, интимностью, какой-то слишком целомудренной, почти непорочной. Будто бы была как бы два в одном и не вписывалась ни в одну из его творческих концепций. Хотя бабушка очень скупо рассказывала о том периоде своей жизни, тем не менее я едва ли не с детства верил, что это были их самые счастливые дни, ибо такое полотно под тяготами не-

взгод было бы просто неподъемно. Позже она подтвердила сама — так, собственно, и было.

Из того, что рассказывала бабушка, я сообразил, что образ их жизни был таков: дед сидел перед холстом и работал до изнеможения, а она варила ему кофе и жарила каштаны. Дед был неприхотлив в еде и вполне довольствовался блюдом, которое было, по существу, изобретено. В отваренные и политые оливковым маслом спагетти она бросала мелко нарезанные помидоры, огурцы и слегка поджаренную нарезанную паприку. Когда были деньги, туда добавлялись и кусочки тушеной телятины. А поскольку деньги были нечасто, обходились без мяса, и дед по такому делу вовсе не роптал.

В то время они венчаны не были, и как она однажды выразилась — «им это тогда было не особенно нужно». Замечание вполне в ее стиле, поскольку она любила бросать вызов нормам общественной морали, и если подворачивался случай, никогда его не упускала. Картины деда почти не покупались, а жить довелось за счет... литературных гонораров, получаемых из местной русскоязычной газеты. Над этим можно смеяться до изнеможения, но что было, то было.

Дед строчил рассказы и выдавал их за переводы с английского, французского и даже норвежского. Если бы он пытался публиковать свои опусы под собственной фамилией, то их бы просто не печатали, поскольку его имя никому ничего не говорило. А тут были «переводы» маститых литераторов, и редактор охотно брал дедову стряпню, и что самое удивительное, такая химера, как авторские права, похоже, никого тогда не волновала. Бабушка аккуратно вклеивала вырезки в альбом, который сожгла в тридцать седьмом, когда пошли говорить, что деда вот-вот должны арестовать. Она назвала это вандализмом и не могла простить себе до конца своих дней.

В конце концов они таки обвенчались, но только после того, как родилась мама и надо было возвращаться домой.

Собственно, домом для них был особняк моего прадеда, который владел сетью бакалейных лавок во Владикавказе, а потому как дед, будучи верным сыном своего народа, и слышать не хотел о том, чтобы жить в семье жены, выбора у бабушки не оставалось. По пути домой он просил сказать родителям, что она армянка. Поверить в это было проще простого, поскольку бабушка была необыкновенно хорошенькой смуглянкой, и ее наверняка приняли бы за армянку, тем более что это было горячим чаением всего семейства.

— Нет, Артур, лгать не буду, — ответила бабушка. — Если не ко двору окажусь, уеду тотчас же.

Во Владикавказе их встречали зурначи и двадцать фазтонов, вместивших огромную родню, а главное всю свору погосовских тетюшек, сгоравших от нетерпения увидеть невестку. Бабуле подфартило особенно: она оказалась рядом с колченогой теткой Воскинар, принадлежавшей к числу тех вьедливых старых дев, которым не терпелось сразу же дойти во всем до самой сути.

— Вы армянка? — с кривой улыбкой спросила она бабушку, терроризируя лазерами глаз.

— Нет, — последовал ответ.

Тетка смолкла и больше не проронила ни слова.

На пиру в честь приезда сына и его жены глава семьи Богдан Погосов предложил тост за дочь, о которой мечтал всю свою жизнь. Воскинар свой фужер даже не пригубила.

У старика было четыре сына и ни одной дочери. Мой дед был младшим в семье и женился последним. Как признался однажды бабушке сам бакалейщик, она была любимой невесткой, хотя не исключено, что это же им было сказано и трем остальным. Во всяком случае, она не извлекла никакой выгоды из того, что ходила в любимицах. И как не просил ее старый Богдан уговорить сына не уезжать, обещая оставить ему все лавки, дед вместе с семьей спустя год уехал в Баку к среднему брату Семену, поскольку дела для